

Е. Э. БАБАЕВА

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
llevidova@gmail.com

СЕМАНТИКА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ: ОППОЗИЦИЯ ПРАВЫЙ VS. ЛЕВЫЙ В ЗЕРКАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ *

В статье впервые подробно рассматриваются проблемы лексикографирования прилагательных, обозначающих 'правый' и 'левый'. В европейской и российской лексикографии с самого начала было принято рассматривать прилагательные, обозначающие 'правый' и 'левый', как замкнутую микросистему, что отражалось в практике толкования основного пространственного значения одного слова через другое при помощи метаслова со смыслом 'противоположный'. В статье прослеживается история возникновения содержательных подходов к толкованию пространственных значений данных прилагательных и выявляются модели «наивной» пространственной ориентации, то есть выбора системы координат, с которой соотносятся данные смыслы (части тела человека или стороны света). Кроме того, в статье ставится вопрос о необходимости соотношения многозначности прилагательных, в частности оценочного ее фрагмента с основным пространственным значением. В связи с этим предлагается вернуться к предложенной еще в XVIII в. модели соотношения пространственных смыслов 'правый' и 'левый' с правой рукой, что позволило бы создать непротиворечивое и симметричное описание данного лексикографического типа.

Ключевые слова: семантика, полисемия, лексикография, лексикографический тип, история лингвистических учений

Как по левой руке — пустырь,
А по правой руке — монастырь.
А. А. Ахматова

1. Введение

Хорошо известно, что центральными проблемами лексикографии являются, во-первых, истолкование отдельных значений слова (лексемы¹), во-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-012-42009 (Перевод Корана Петровской эпохи).

¹ В соответствии с терминологией, принятой в Московской семантической школе, я использую термин *лексема* по отношению к слову, взятому в определенном значении.

вторых, представление многозначности слова как единой структуры, между лексемами или блоками лексем которой существует семантическая связь, и, в-третьих, унификация словарного описания лексикографических типов². При построении толкования лексем важен выбор определенной стратегии описания, при этом последняя должна учитывать прежде всего, относится ли лексема к классу предикатов или к классу предметных лексических единиц [Апресян 2009: 27–28]. Приступая к описанию фундаментальной классификации предикатов, Ю. Д. Апресян замечает, что для предметных имен следует строить дифференциальные толкования, которые не носят исчерпывающего характера, тогда как предикаты должны быть истолкованы исчерпывающим и неизбыточным образом [Там же]. При отборе дифференциальных признаков А. Вежбицкая предложила руководствоваться «антропоцентрическим» принципом [Wierzbicka 1985: 19], предполагающим лексикографирование наиболее значимой для человека информации (в частности, функций описываемого объекта).

Можно предположить, однако, что такой подход на интуитивном уровне был свойственен лексикографам с самых первых попыток составления подробных толкований. Толковые словари, взятые как единый тип лингвистической литературы, могут служить источником для реконструкции происходивших в разное время поисков в области выделения и осознания важной для человека информации относительно как предметных имен, так и предикатов, а также поисков баланса между энциклопедической и лингвистической информацией. Сравнение результатов поисков у разных авторов, живших в разные эпохи, представляет, как кажется, большой интерес, особенно когда речь идет о некоторых базовых или неочевидных понятиях. Такова, например, история лексикографирования пространственного значения прилагательных *правый* и *левый*, которая и является предметом подробного рассмотрения в настоящей статье.

Оппозицию *правый* vs. *левый* можно признать опорной, образующей горизонтальную ось пространственных координат³. Задача определить данные

² О понятии *лексикографический тип* см. [Апресян 2009: 148–191].

³ Пары *верхний* vs. *нижний*, *правый* vs. *левый* входят, как полагают исследователи, в число древнейших индоевропейских оппозиций [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 780–781]. Вместе с тем, как отмечает А. Я. Шайкевич, существуют народы, которые указывают пространственные направления через основные точки компаса [Шайкевич 1959: 55]. В связи со спаянностью этих понятий в некий пространственный комплекс интересными представляются свидетельства Льва Засецкого, человека, которому несколько пуль раздробили череп и который долго боролся за восстановление утраченных способностей. Рассказывая об особенностях восприятия пространства после ранения, Л. Засецкий вспоминал, как запутался в маршруте: «А тут мне еще вспомнились вдруг слова “вправо”, “влево”, “назад”, “вперед”, “вверх”, “вниз”, и я никак не мог разобраться в этих словах, не мог почему-то понимать их на практике. Заодно мне вспомнились слова “юг”, “север”, “восток”, “запад”» [Лурия 2018: 64].

понятия впервые встала именно перед лексикографами, ведь на первый взгляд они кажутся очевидными, и, по всей вероятности, не существует никаких других источников, в которых обсуждался бы вопрос о том, как, в сущности, устроена эта оппозиция. Поскольку оппозиция *правый* vs. *левый* носит универсальный характер, я считаю уместным и даже необходимым не ограничиваться только русским материалом, а привлечь к рассмотрению некоторые европейские лексикографические традиции (французскую, английскую и немецкую), что позволит получить более объемную и детальную картину ее возможных словарных интерпретаций.

Анализ разных подходов к лексикографированию интересующих нас прилагательных ставит перед исследователем задачу выбора «правильного» описания. Оказалось, что решение этой задачи требует привлечения некоторых общих взглядов на системность семантики. Цель настоящей работы — рассмотреть имеющиеся в европейской лексикографии подходы к представлению значений ‘правый’ и ‘левый’ и продемонстрировать на этом примере эволюцию важных культурных представлений об устройстве человеческого тела в его соотношении с пространственными ориентирами, а также влияние их на лексикографию. Кроме того, на выбранном материале будет продемонстрирована тесная взаимосвязь центральных лексикографических проблем.

2. ‘Правый’ vs. ‘левый’: обзор лексикографических подходов к толкованию пространственного значения

Уже в ранней европейской лексикографии прилагательные, обозначающие ‘правый’ и ‘левый’, рассматривались как соотносимые единицы, образующие закрытую микросистему. Отражением представления о глубинной «спаянности» этих прилагательных можно считать словарную практику пояснять одно слово через другое. Так, Самюэль Джонсон в своем словаре английского языка определял *left* как «not right», а *right* — как «not left» [Johnson 1768], в первом издании Словаря Академии Российской *левый* толкуется как «противолежащий правой стороне», а *правый* — как «противолежащий левому» [САР 1792, III; 1793, IV]; эта традиция продолжилась в русских лексикографических трудах XIX в.

Однако в европейской лексикографической практике достаточно рано начинаются поиски более содержательных описаний. Эти описания связаны с антропоцентрическим осмыслением *правого* и *левого*, т. е. с восприятием данных пространственных координат на фоне анатомии человека⁴. Когда в 1848 г. Якоб Гримм отмечал, что представления о правом и левом

⁴ Интересно отметить, что, как следует из записок Льва Засецкого, наряду с утратой возможности пользоваться пространственными координатами он потерял способность осознавать части тела и их функции [Лурия 2018: 53–56].

возникли по отношению к телу человека и только потом распространились на пространство, возможно, он исходил, среди прочего, и из знания принятых к тому времени лексикографических решений [Grimm 1848, I: 680]⁵. В собранном корпусе толкований, основанных на соотнесении *правого* и *левого* с тем или иным органом человека, представлено несколько основных вариантов решений.

1. Толкуется прилагательное со значением 'левый', тогда как прилагательное, обозначающее 'правый', определяется через 'левый' при помощи компонента смысла 'противоположный'. В качестве основного органа, служащего ориентиром для 'левый', выбирается селезенка. Такое решение представлено, например, в первом издании Словаря Французской академии [DAF 1694]⁶: *gauche* «говорится о той стороне человека, где расположена селезенка»⁷.

2. Как и в предыдущем случае, толкуется прилагательное со значением 'левый', а прилагательное, обозначающее 'правый', определяется через 'левый' при помощи компонента смысла 'противоположный'. Однако в качестве основного органа, служащего ориентиром для 'левый', выбирается сердце. Так, например, устроено толкование слова *gauche* в словаре Жана-Франсуа Феро: «у человека та сторона, где находится сердце»⁸ [Féraud 1787–1788, II]. По всей вероятности, именно восприятием сердца как средоточия жизни, как самого важного органа человека, объясняется тот факт, что данное решение постепенно становится доминирующим; именно оно наиболее распространено в современной европейской лексикографии⁹. Преимущество этой модели перед предыдущей состоит в том, что человек знает, где у него находится сердце.

3. Толкуются оба прилагательных, причем в качестве органов, служащих ориентирами, выбираются печень и сердце. Так устроено толкование слов *droit* и *gauche* в пятом издании Словаря Французской академии: «Droit (...) c'est dans l'homme le côté du foi»; «gauche (...) c'est dans l'homme le côté où est le coeur» [DAF 1798, I]; ср. также в «Кратком толковом словаре

⁵ Ср. современные представления, согласно которым устройство человеческого тела уже предполагает, что в сознании человека существуют такие категории, как «переднее», «заднее», «правое» и «левое» [Подосинов 1999: 463].

⁶ При цитировании словарей ссылка дается на соответствующую словарную статью, поэтому страница не указывается.

⁷ «Se dit dans l'homme du costé ou la rate est située».

⁸ «C'est dans l'homme le côté où est le coeur».

⁹ Ср. определение *левого* в словарях XIX–XX вв.: «il se dit dans l'homme du côté où se font sentir les battements du coeur» [DAF 1835]; «relating to, situated on, or being the side of the body in which the heart is mostly located» [Webster Online Dictionary]; «von gliedmaszen oder körpertheilen, auf der herzseite liegen» [DWB]; «situé du côté du coeur» [TLFi]; «расположенный с той стороны тела, где находится сердце» [СУШ, II]; количество подобных примеров легко увеличить.

русского языка» (1913) Петра Евстафьевича Стояна, который, скорее всего, пользовался этим французским словарем: «правый, находящийся со стороны печени»; «левый, со стороны сердца находящийся» [Стоян 1913]¹⁰.

4. Толкуется правая сторона, причем она соотносится с правой рукой, ‘левая’ же сторона определяется через ‘правую’. Такое толкование впервые встречается в словаре 1690 г. Антуана Фюретьера, который описывает правую руку как активную, поскольку человеку «естественно» пользоваться ею¹¹ [Furetière 1690, I]. Выбор, сделанный А. Фюретьером, находит соответствие в более поздних антропологических и лингвистических исследованиях.

В современной семантике в связи с номинациями для частей тела принято делить их на так называемые «функциональные» (например, *нога, рука, хвост*) и «топографические» (*бок, щека, темя*) (см. в [Арутюнова 1980: 173])¹². А. В. Дыбо, подробно занимавшаяся типологией противопоставления руки как «анатомического отдела» и руки как активного органа, заметила, что «для части терминов, относящихся к “внешним” органам, совершенно необходима “функциональная” часть в толковании» [Дыбо 1996: 25].

Функциональная выделенность правой руки очевидна. Предполагается, что эта выделенность уходит корнями в далекое прошлое¹³. Известно, что многие инструменты, изобретенные человеком, были рассчитаны на действие, совершаемое правой рукой; кроме того, древняя праворукость человека подтверждается и наскальными рисунками, поскольку в качестве трафарета использовалась обычно левая рука [Михайлова 1993: 52–53]. По мнению некоторых ученых, феномен праворукости появился у *Homo habilis* уже 1,8 миллиона лет назад [Frayer et al. 2016].

Пространство, как правило, постигается эмпирически. Выделенность правой руки хорошо видна на примере того, как учат детей различать *право* и *лево*: обычно им предлагается соотнести правую руку с каким-либо наиболее привычным действием (рука, которой едят; рука, в которой держат ложку; рука, которой пишут). Н. И. Толстой замечал, что для различения правой и левой руки еще в начале XX в. крестьянскому ребенку нужно бы-

¹⁰ Следует отметить, что в древнерусской письменности XIV в. в значении ‘печень’ засвидетельствовано слово *десъць* [СДРЯ XI–XIV, 2]. Общеизвестно, что печень воспринималась как орган, ответственный за эмоциональную сферу человека.

¹¹ «[la main] de laquelle on se sert naturellement pour faire quelques ouvrages qu'on fait d'une seule main».

¹² Хорошо известна семантическая нагруженность отдельных жестов с участием рук, получивших формальное закрепление в языке, например: рус. *опустить руки, наложить на себя руки, поднять руку на кого-л., помахать кому-л. рукой; воздеть руки к небу*, или, например, приказ *Руки вверх!*

¹³ Известна дискуссия о том, связана ли выделенность правой руки с биологическими факторами, с доминированием левого полушария, или же она возникла благодаря сакрализации правой стороны в связи с «обращением человека к восходу Солнца как подателю жизни на земле» [Подосинов 1999: 505].

ло перекреститься, при этом исследователь вспоминал, что и его самого именно так обучали находить правую руку [Толстой 1997: 149]; ср. также определение *левой руки* в словаре В. И. Даля как «некрещеной» [Даль, II]¹⁴.

Представление о выделенности правой руки выступает на первый план и при реконструкции древнейших пластов семантики. Хорошо известно, что праиндоевропейская основа для ‘правого’ в современных индоевропейских языках представлена ограниченно: в старослав. *десница* (прасл. южнослав. ареала **desnica* [Аникин, 13: 269]), лат. *dextra* ‘правая рука’, лит. *dešinė* ‘правая рука’; некоторые исследователи реконструируют в праиндоевропейском языке глагольную основу **t(h)ek(h)s-* ‘изготавливать, обрабатывать’ (ср. хетт. *takš-* ‘делать, соединять’, греч. *τέχνη* ‘ремесло’); см. [Михайлова 1993: 57]. Согласно другой точке зрения, древняя глагольная основа, реконструируемая как **dek’s-*, могла обозначать ‘брать, принимать’ [Pokorny, I: 189–191; ЭССЯ, 4: 219]¹⁵.

Название для руки как части тела человека вообще часто оказывается этимологически соотнесено с каким-либо действием; ср. общегерм. **handus*, семантика которого связывается с глаголом ‘хватать’ (см. [Kluge 1999: 353]), или балто-славянское название руки **rānka*, восходящее к глаголу **renk-*, обозначающему ‘собирать’ (см. [Fraenkel, II: 697]). В типологической перспективе важно также, что во многих языках в названии для ‘правый’ закрепляется представление о том, что правой рукой едят (в [Шайкевич 1959: 58] приводятся, в частности, следующие данные: в языке суахили *kulia* ‘правый’, производное от корня *La* ‘есть’, в готландском диалекте шведского языка засвидетельствовано слово *suphand* — ‘правая рука — рука, которой едят суп’)¹⁶. Возможны номинации, указывающие и на другие функции правой руки, проявляющиеся, например, в условиях войны: ср. описание правой руки в гомеровском эпосе как несущей копье [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 785], а также греч. *ἄπλα δεξιὰ* ‘наступательное оружие’ (т. е. оружие, находящееся в правой руке) [Вейсман 1991: 293]; в древнеанглийских памятниках правая рука может описываться как агрессивная, держащая меч [Проскурин 1990: 39]¹⁷; в языке индейцев атакапа

¹⁴ Решение В. И. Даля уникально: он определяет *левую* руку при помощи негативной характеристики, а *правую* — при помощи двойного отрицания — как противоположную *левой*.

¹⁵ Согласно Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванову, в древности рука как часть тела противопоставлялась руке как символу власти (см. [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 807]).

¹⁶ Можно отметить также, что китайский иероглиф 右 ‘правый’ состоит из элементов ‘рука’ и ‘рот’. В сочетании эти два элемента дают значение ‘рука, подносящая еду ко рту’. Вместе с тем представление о левом 左 выводится из элементов ‘ладонь’ и ‘работа’.

¹⁷ Исследователь отмечает возможность на определенном этапе табуирования названий для правой руки именно в связи с ее восприятием как агрессивной, угрожающей; в этом случае левая рука как держащая щит выступала в качестве защищающей [Проскурин 1990: 43].

wóc te — ‘рука’ + ‘лук’, т. е. ‘рука, которой стреляют из лука’ [Шайкевич 1959: 56]. Франц. *destrier* обозначало лошадь господина, которую оруженосец вел правой рукой (тогда как свою лошадь он вел левой рукой). С другой стороны, в языках в качестве номинации для рук или одной руки могут выступать названия каких-либо приспособлений, инструментов, ср., например: русск. разг. *грабли, клещи*; во франц. арг.: *croche, crochet* ‘крючок’, *cuillère* ‘ложка’, *fourchette* ‘вилка’, *pince* ‘клещи’, *porteuse* ‘несущая’.

Интересно, что *правая* и *левая* руки могли использоваться для передачи представления о символической геометрии. Так, например, в первом русском тексте Корана, переведенном с французского языка и опубликованном в 1716 г., говорится: *Фараон рече им (...). Аз вам повелю отрубити ноги правые и руки левые* [Коран 1716: 208], *аз повелю вам отсеци руки правыя и ноги левые, или руки левые, и ноги правые* [Там же: 178]; ср. контексты, представленные во французском тексте: *je vous ferai couper les piés droits & les mains gauches, ou les mains droites & les piés gauches* [Ryer 1685: 287], *la punition de ceux qui contrarient à la volonté de Dieu, à celle de son Prophète, & qui font leurs efforts pour salir la terre, est, d'être tués, pendus, d'avoir le pié droit, & la main gauche, ou la main droite, & le pié gauche coupés* [Ibid.: 87]. В арабском тексте Корана ни право, ни лево не упоминаются, речь идет скорее о противоположности, которая в современном переводе может передаваться при помощи слова *накрест*: *Я непременно отрублю вам (о, колдуны) руки и ноги накрест*¹⁸; *Я отрублю вам руки и ноги накрест и распну вас всех*¹⁹. Эта идея была передана первыми переводчиками Корана при помощи оппозиции *правый vs. левый*.

Таким образом, можно сказать, что ориентация *правой* стороны на правую руку, интуитивно найденная А. Фюретьером в конце XVII в., оказалась фрагментом важнейшей антропологической проблематики.

5. При сохранении в целом антропоцентрического принципа пространственные координаты ‘правый’ и ‘левый’ могут описываться в соотношении со сторонами света. В данном случае основной ориентир лежит вне человека, но оказывается важным, в какую сторону смотрит человек. Как известно, в языках возможно совмещение оси *правый vs. левый* с осями частей света: например, в египетском языке слово *j3b* служило для обозначения востока и левого, а *jmn* — для обозначения запада и правого; в языке Ветхого Завета *yāmīn* передавало смыслы ‘юг’ и ‘правый’, а *šēm’ol* — ‘север’ и ‘левый’ (см. [Подосинов 1999: 175, 196, 332]). Сближение семантики ‘север’ и ‘левый’ существует внутри индоевропейского языкового мира: ср., например, ирл. *dess* ‘юг’ и ‘право’, *tíath* ‘север’ и ‘лево’, корнское *clēth* ‘север’ и ‘лево’; прагерманский корень **nurtha*, для которого восстанавливается смысл ‘левый’; см. обсуждение этих семантических соответствий в [Журавлев 2005: 126–129]. Предположительно, соотнесение в языках юга

¹⁸ <https://quran.com.ua/26/49?r=mnthb>; сур. 26: 49.

¹⁹ <https://quran.com.ua/?sura=20&ayat=71>; сур. 20: 71.

с правой стороной, а севера — с левой представлено очень широко [Подосинов 1999: 538–539]. Это сближение определяется ориентацией на восток, которая актуальна также и для некоторых других традиций, например для арабской или тюркской. В культурах, сакрализующих восток, правая сторона, осмысляемая как южная, то есть теплая, солнечная, светлая, противопоставлена левой — северной, темной и холодной. Однако такая ориентация не является единственно возможной — ср., например, практику авгуров, которые вставали лицом к югу, так что восток оказывался с левой стороны, в результате чего левая сторона осмыслялась внутри этой традиции положительно. О гетерогенности систем ориентации в пространстве, характерной для любой (в том числе и архаической) культуры, см. в [Там же].

Ориентация координат 'правый' и 'левый' на стороны света представлена в ряде словарей английского языка. В частности, в словаре [Collins 2004] понятие 'левый' связывается с западной стороной, притом что человек обращен лицом к северу ('denoting the side of something or someone that faces west when the front is turned towards the north'), а понятие 'правый' — с восточной стороной ('of or on the side of something or someone that faces east when the front is turned towards the north').

6. В некоторых словарях совмещены разные принципы описания — ср., например, толкование *gauche* в словаре Пьера Лярусса, где используются два ориентира: сердце или та сторона, где «восходит солнце», притом что человек обращен лицом к югу («qui est situé du côté du coeur par rapport à l'homme, ou du côté où le Soleil se lève quand on regarde le midi») [Larousse 1872]. А, например, Эмиль Литтре в своем словаре использовал при описании прилагательного *gauche* сердце («сторона, где бьется сердце») и запад — при условии, если человек обращен лицом к северу («qui est du côté où le coeur bat, ou bien qui est du côté de l'ouest quand on regarde le nord») [Littré, II].

Следует отметить, что в словарях начиная с XVIII в. речь может идти не только о принятии уже выработанного предшественниками решения, но и о продолжавшихся семантических поисках. Так, например, Французская академия несколько раз кардинально меняла определения: в первом и втором изданиях словаря (1694, 1718) содержательно описывалась левая сторона как соотносящаяся с селезенкой, в третьем и четвертом изданиях (1740, 1762) левая и правая стороны соотносились как противоположные без апелляции к какому-либо органу тела, а селезенка упоминалась лишь в примерах на употребление прилагательного *gauche* (*La rate est du côté gauche*), в пятом издании (1798) правая сторона соотнесена с печенью, а левая — с сердцем, и наконец, начиная с шестого издания (1835) все последующие — седьмое (1878), восьмое (1935) и девятое (работа над которым еще не закончена) — противопоставляют правую сторону левой, характеризуя левую как ту, где ощущается биение сердца.

Соотношение оппозиции *правый* vs. *левый* с базовой оценкой *хороший* vs. *плохой*, имеющей конкретные «прочтения» в различных языках и культурах, стало предметом детального рассмотрения этнографов, фольклори-

стов и специалистов по семиотике и истории культур (см. основную библиографию в [Бабаева 2018a: 73]). Представляет, однако, интерес тот факт, что вопрос о причинах появления этой корреляции впервые был поставлен именно в лексикографии.

В [DAF 1694], как уже было сказано, содержательно толкуется левая сторона — через селезенку. Поэтому оценивается именно левая сторона — как менее «благородная» («qui est réputé le moins noble») и более слабая («qui est ordinairement le plus faible»), чем его правая часть. По всей видимости, отрицательная оценка в данном случае связана с той ролью, которую селезенке традиционно приписывала медицина: хорошо известно, что селезенка осмыслялась как орган, ответственный за меланхолию и мрачные мысли²⁰.

Однако в большинстве словарей положительная или отрицательная оценка 'правого' и 'левого' связываются с функцией правой и левой рук. Уже Антуан Фюретьер, толкуя смысл 'правый' через правую руку, отмечал, что эта рука является более сильной, а следовательно, более почетной²¹. Подобный подход встречается еще в нескольких словарях. Так, Иоганн-Кристоф Аделунг в своем словаре (1774–1786), описывая правую руку, связывал с ней представление о силе и ловкости и замечал, что она более востребована, чем левая, при занятиях ремеслами²². Аналогичные рассуждения можно найти в словаре Ноа Уэбстера (1828), полагавшего, что правая рука сильнее и что ею пользоваться удобнее («most strong or most convenient in use») [Webster 1828], а также в Оксфордском словаре английского языка, где *right* толкуется как «the distinctive epithet of the hand normally the stronger», а *left* — как «the distinctive epithet of the hand which is normally the weaker of the two» [New English Dictionary 1908, VI, Part I; 1914, VIII, Part I]. Эмиль Литре отмечал, в частности, что левая рука получила негативную оценку («une dénomination péjorative») из-за ее «неполноценности» («infériorité») по сравнению с правой [Littré, II].

Французские энциклопедисты также задавались вопросом о противопоставлении правой и левой сторон. Они замечали, что правая сторона в церкви и в судебном присутствии обычно считается более почетной («plus honorable») ²³. Социальная «геометрия», затронутая энциклопедистами, находит отражение в том фрагменте многозначности прилагательных, обозначающих 'правый' и 'левый', где речь идет о характеристике социаль-

²⁰ Об этом, в частности, говорит этимология слова *сплин* (ср. лат. *splen*, др.-греч. *σπλήν* 'селезенка').

²¹ «Signifie (...) le costé ou la main est ordinairement la plus forte» [Furetière 1690, I].

²² «Die rechte Hand, diejenige, welche gemeinlich am stärksten, zu den Verrichtungen am geschicktesten ist, und daher auch zu den Handarbeiten am meisten gebraucht wird; im Gegensatze der linken Hand» (цит. по [Adelung 1811, Bd. 3]).

²³ См. https://fr.wikisource.org/wiki/Page:Diderot_-_Encyclopedie_1ere_edition_tome_4.djvu/308.

ных групп или политических партий и их представителей — изначально в зависимости от расположения людей по отношению к ориентиру, т. е. к главной в определенной иерархии фигурой. Это явление представлено в самых разных культурах, см., например, противопоставление каст правой руки и левой руки в южной Индии, название которых восходит, как предполагают исследователи, к размещению людей внутри судебного пространства по отношению к фигуре судьи [Zimmermann 1974: 1381–1382]²⁴.

Однако впервые вопрос об оценочном осмыслении правой и левой рук поставлен лексикографом Шарлем Нодье в труде «Examen critique des dictionnaires de la langue Française» (1828). Ш. Нодье писал, что ни в одном исследовании не нашел ответа на вопрос, почему человек отдает предпочтение правой руке. Обращаясь к языковому материалу, он замечал, что все языки передают представление о ловкости, равно как и противоположное представление о «несовершенстве» (*l'imperfection*), употребляя в переносном смысле пространственные слова, обозначающие 'правый' и 'левый'. Идея неловкости, продолжает Ш. Нодье, часто довольно удачно дополняется представлением о несчастье, как в лат. *sinister*²⁵.

В литературе многократно цитировалась теория, выдвинутая А. Я. Шайкевичем, согласно которой в основе возникновения понятия 'правый' лежит использование определенного положительного эпитета к слову, обозначающему 'рука'. При постоянном использовании этого эпитета, по мнению А. Я. Шайкевича, происходило постепенное ослабление первоначального значения прилагательного, выступающего в этой роли, после чего мог отпадать элемент, обозначавший собственно руку, в результате чего и возникала особая номинация для правой руки [Шайкевич 1959: 65–66]. Номинация для правой руки может быть связана, например, с общим смыслом 'удобный' (ср. швед. *Höger*), 'наиболее подходящий' (ср. в языке ниянзя (банту) номинации *dzanja la manja* «рука рук» или *dzanja la kwene* «настоящая рука» [Werner 1904])²⁶. Самым распространенным словом в значении 'правый' на протяжении всего древнеанглийского периода было

²⁴ Согласно исламской эсхатологии, в День Суда праведники получают Книгу деяний с правой стороны, а грешники — с левой; ср.: *Сеи ему же подастся книга действия своего в десницу, поидет с собеседниками своими в раи (...). А тои ему же дасься книга, в левую руку о его делах, будет осужден и ввержен в огонь адский* [Коран 1716: 340].

²⁵ «Je n'ai vu traiter nulle part cette intéressante question: "Quels motifs ont déterminé l'homme à l'emploi privilégié de la main droite?"», mais il est certain, que toutes les langues s'accordent à designer l'adresse, ou l'imperfection qui y est contraire, par des mots figurés de cette première acception. On est allé plus loin: l'idée de malheur s'est mêlée souvent à celle de gaucherie, comme dans le *sinister* des Latins, et cela n'est pas si mal» (цит. по [Nodier 1829: 137]).

²⁶ Т. В. Михайлова выделяет, в частности, модель обозначения правой руки по основному выполняемому ею действию и по оценке правой руки как лучшей, удобной [Михайлова 1993: 54].

прилагательное *swidra*, образованное от формы сравнительной степени прилагательного *swid* ‘сильный’ [Проскурин 1990: 38].

Смысл ‘левый’, развивая яркие отрицательные коннотации, мог подлежать табуированию, и, следовательно, соответствующие лексемы сменялись в отдельных диалектах и диалектных объединениях [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 782]; ср., например, иберо-романские языки, в которых в данном значении функционирует заимствование из баскского (баскск. *esker* → исп. *izquierdo*, порт. *esquerdo*, каталанск. *esquerra*) или произошедшую во французском языке к XV в. замену лат. *sinister* на *gauche*, которое многие этимологи считают германизмом²⁷; точно так же предполагается, что в пратюркском **söl-* ‘левый’ является заимствованием из тохарского [Иванов 1988: 101].

Осмысление ‘левого’ как плохого, неправильного (в частности, ‘кривого’) повлекло за собой, как неоднократно отмечалось исследователями, замену в ряде индоевропейских языков первоначальной основы для ‘правого’ на слово, имевшее семантику хорошего, правильного (в частности, ‘прямого’): ср. в германских языках, например, др.-англ. *riht* (родственно лат. *rectus*), а также изменение исходной праслав. оппозиции **desnъ* vs. **šujъ* на *pravъ*²⁸ vs. **lěvъ* (северный ареал) и на **desnъ* vs. **lěvъ* (южный ареал) [Аникин 13: 270]. Н. И. Толстой указывал на то, что в некоторых славянских диалектах смысл ‘правый’ может передаваться лексемой, восходящей к праслав. **dobrъ*, а смысл ‘левый’ — лексемой, восходящей к **xudъ* [Толстой 1997: 145].

3. ‘Правый’ vs. ‘левый’: импакт толкования пространственного значения на структуру многозначности

Использованное лексикографами соотнесение ‘правого’ с правой рукой и описание этой руки как «хорошей» в противоположность левой — находка, которая позволяет непротиворечиво описать многозначность данных прилагательных, имеющую в своем составе оценочные переносные значения. В случае соотнесения смысла ‘левый’ с сердцем, например, как это делается во многих словарях, практически невозможно объяснить переход к переносным значениям, содержащим отрицательную оценку; в других случаях (например, при соотнесении ‘левого’ с селезенкой или северной стороной света) такое объяснение потребовало бы слишком сложного культурно-исторического комментария. В результате отказа от найденного еще в XVII в. семантического перехода (‘правая рука’ → ‘хороший’; ‘левая рука’ → ‘плохой’) многие словари вынуждены описывать

²⁷ Ср. немецкий глагол *wanken* ‘качаться’. Согласно другой точке зрения, данное прилагательное является развитием галло-романского глагола *valgicare* (от лат. *valgus* ‘кривой’) [DHLF, II].

²⁸ Следует отметить, что прилагательное *pravъ* имело значение ‘прямой’.

многозначность прилагательных, допуская отсутствие логических связей между некоторыми значениями или же разводя разные группы смыслов как омонимичные.

В [МАС], например, для прилагательного *левый* выделяются четыре блока значений. Первый блок объединяет собственно пространственные значения: ‘расположенный в той стороне тела, где находится сердце’ (*левая рука*) → ‘расположенный со стороны той руки, которая ближе к сердцу’ (*в левом углу*) → ‘расположенный с этой стороны, если стоять по направлению течения’ (*левый приток Волги*). Второй блок образует значение ‘политически радикальный или более радикальный, чем другие’ (*левые фракции парламента*), этимологически связанное с первым, что разъясняется в специальном комментарии в скобках: «от традиционного размещения членов радикальных и революционных партий в левой стороне парламентского зала — влево от председателя». Третий блок образует значение, выделенное исключительно по политическим соображениям ради словосочетания *левый уклон*: ‘мнимо радикальный, прикрывающий революционной фразой оппортунистическую, соглашательскую сущность’. Этим трем блокам, между которыми прослеживается семантическая связь, оказывается противопоставлен четвертый: ‘побочный и незаконный’ (*левый заработок*). Его связь с предыдущими значениями никак не раскрыта, так что он теоретически мог бы рассматриваться как омоним.

Именно такое решение принято в [МАС] для прилагательного *правый*. *Правый*¹ имеет многозначность, устроенную симметрично по отношению к прилагательному *левый*: первый блок включает пространственные значения ‘расположенный в той стороне тела, которая противоположна левой’ (*правый глаз*) → ‘расположенный со стороны той руки, которая противоположна левой’ (*правая сторона*) → ‘расположенный с этой стороны, если стоять лицом по направлению течения’ (*правый берег Невы*); второй и третий — политические: ‘враждебный передовым течениям в политической и общественной жизни (от традиционного размещения членов реакционных партий в правой стороне парламентского зала — вправо от председателя’ (*правая партия*), ‘враждебный политике партии внутри самой партии’ (*правый уклон*). *Правый*² имеет три значения, включающие положительную оценку: ‘ни в чем не виновный, не имеющий за собой вины, проступка’ (*разобрать, кто прав, кто виноват*); ‘правильно говорящий, думающий или поступающий, не совершивший ошибки’ (*Она была права*) и ‘закрывающий в себе правду, справедливый’ (*правый бой*).

Таким образом, отрицательная оценка включается в полисемию прилагательного *левый*, но не находит при лексикографировании никакого семантического обоснования. Что же касается прилагательного *правый*, то в пространственном значении (*правый*¹) оценка отсутствует, что является прямым следствием толкования этого значения через компонент ‘левый’, однако в имплицитном виде она служит логической основой описания полисемии для *правый*².

Типологически сходные трактовки можно найти и в европейских словарях. Так, например, в [TLFi] выделяются омонимы *gauche*¹ ('находящийся со стороны сердца') и *gauche*² ('не отвечающий норме'); эта омонимия также является следствием невозможности связать семантически пространственное и оценочные толкования. Более того, в словаре [PR] демонстрируется попытка обратной мотивации: первыми толкуются оценочные значения, объединенные представлением об отклонении от правильного (*déviatiоn*) и неловкости движений (*maladresse*), а оказавшееся во втором блоке значение 'левый' применительно к руке, толкующееся как 'qui est situé du côté du coeur' ('расположенный со стороны сердца'), имеет специальное объяснение, апеллирующее к первому блоку: 'cette main est ordinairement malhabile, gauche' ('эта рука обычно является неловкой').

В словарях английского языка, толкующих пространственные прилагательные *правый* и *левый* через стороны света, семантическая связь с оценкой также отсутствует. Так, например, в словаре [MacMillan]²⁹ для прилагательного *right* пространственное значение ('on or relating to the side of your body that is towards the east when you are facing north') стоит четвертым, и это решение ничем не мотивируется, ср. краткую схему словарной статьи *right*:

- 1 correct;
- 2 morally correct;
- 3 in correct state etc;
- 4 on one side of body;
- 5 with needed qualities;
- 6 fashionable/important;
- 7 on the correct side;
- 8 complete

Представляется очевидным, что оценка, заложенная в прилагательном, обозначающем 'левый', во многих языках поддерживается идиоматикой: ср. *встать с левой ноги*, франц. *se lever du pied gauche*, нем. *mit dem linken Bein <Fuß> zuerst aufgestanden* ('быть в плохом настроении'); *делать, что твоя <его, ее> левая нога захочет* ('поступать или вести себя недостаточно разумно'), *делать что-то левой ногой* ('делать что-то плохо, не прилагать нужных усилий'); нем. *zwei linke Hände haben* (букв. иметь две левые руки; 'быть неловким, неуклюжим'), англ. *have two left feet* (букв. иметь две левые ноги; 'двигаться неуклюже'); франц. *épouser qqn de la main gauche* ('подавать невесте левую руку'; мужчина благородного происхождения, жениясь на простолюднике, подавал ей левую руку, указывая тем самым, что она после свадьбы не поменяет своего социального положения); франц. *de la main gauche* ('незаконный'); франц. *passer l'arme à gauche* (букв. перевесить оружие на левое плечо; 'умереть'), франц. *il y a du gauche à la clé* (букв. что-то не так с ключом; 'что-то идет не так, как хотелось бы').

²⁹ См. <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british>.

В русском языке связь ‘левый’ → ‘плохой’ лежит в основе появления в XX в. новых значений: ‘связанный с нарушением юридических норм’ (*левый заказ, левые тиражи*) и ‘не отвечающий стандартам’ (*левая сборка компьютера, левая кодировка*). Осмысление же ‘правого’ как ‘хорошего’, сохраняясь в целом, имеет в русском языке тенденцию к ослаблению (ср., впрочем, устойчивость употребления *правая рука* по отношению к человеку), что и отражено, по всей видимости, в лексикографировании в словарях русского языка двух омонимов.

Представляется, что толкование основного пространственного значения через компонент ‘рука’, как это уже делалось в истории лексикографии, позволило бы описать многозначность прилагательных *правый* и *левый* по единому принципу, двигаясь от пространственных значений к оценочным и сохраняя при этом мотивацию оценки.

Можно предложить следующие схемы такого описания прилагательных, образующих, согласно теоретическим положениям Ю. Д. Апресяна [2009: 150], особый лексикографический тип³⁰:

ПРАВЫЙ

правый 1.1 ‘расположенный с той стороны тела, что и рука, которой обычно выполняются различные действия’ (также и о самой руке; *правый глаз, правая нога*).

правый 1.2 ‘предназначенный для правой 1.1 части тела’: *правая перчатка, правый сапог*.

правый 2.1 ‘расположенный со стороны правой 1.1 руки’: *правая сторона улицы*.

правый 2.2 ‘расположенный с правой стороны, если стоять лицом по направлению течения’: *правый берег, правый приток*.

правый 2.3 ‘расположенный с правой стороны, если стоять лицом к объекту’: *правая створка двери*.

правый 3.1 ‘стремящийся к сохранению старого строя’: *правая фракция (пресса)*.

правый 3.2 в функции СУЩ [обычно МН] ‘член правой 3.1 политической группировки’: *примкнуть к правым*.

правый 3.3 ‘такой, который бывает у членов правых 3.1 политических группировок’: *правые взгляды*.

правый 4.1 ‘говорящий или действующий правильно’: *Вы были правы, не стоило туда ездить (что не поехали туда)*.

правый 4.2 ‘правильный и/или справедливый’: *правое дело*.

правый 4.3 уходящ. *А1 прав перед А2* ‘невиноватый’: *Я никак не думаю, что я прав перед вами* (А. Гольденвейзер).

³⁰ Описания многозначности прилагательных *правый* и *левый* разрабатываются мною для Активного словаря русского языка.

ЛЕВЫЙ

левый 1.1 ‘расположенный с той стороны тела, которая противоположна правой’: *левая рука, левый глаз.*

левый 1.2 ‘предназначенный для левой 1.1 части тела’: *левая перчатка, левый сапог.*

левый 2.1 ‘расположенный со стороны левой 1.1 руки’: *левая сторона улицы.*

левый 2.2 ‘расположенный с левой стороны, если стоять лицом по направлению течения’: *левый берег, левый приток.*

левый 2.3 ‘расположенный с левой стороны, если стоять лицом к объекту’: *левая створка двери.*

левый 3.1 ‘стремящийся к установлению принципиально нового строя’: *левые партии.*

левый 3.2 в функции СУЩ ‘члены левых 3.1 политических группировок’: *примкнуть к левым.*

левый 3.3 ‘такой, который бывает у членов левых 3.1 политических группировок’: *левые взгляды.*

левый 4.1 разг. ‘связанный с нарушением юридических норм’: *левый заказ; левые тиражи.*

левый 4.2 разг.-сниж. ‘не отвечающий стандартам’: *торговать телефонами левой сборки.*

Можно сказать, что разный подход в лексикографических работах к формулировкам пространственного значения прилагательных, обозначающих ‘правый’ и ‘левый’, проанализированный в данной статье, свидетельствует о напряженных поисках в области осознания на первый взгляд очевидных смыслов. Интересно, что появление в XVIII в. *сердца* в качестве антропоцентрического ориентира соответствовало, по всей видимости, установившемуся всеобщему представлению об особой роли этого органа для жизни человека; неслучайно именно такое решение возобладало в конечном итоге в европейской лексикографии. Это представление стало настолько важным, что из двух пространственных ориентиров оказался выделенным именно ‘левый’ — как соотносимый с расположением сердца в теле человека. Соотнесение ‘левого’ с сердцем вызывало разрыв семантических связей между пространственными и оценочными лексемами при устойчивом, как показывают разнообразные исследования, сохранении их в самых разных пластах культуры. Возвращение к предложенной еще в XVII в. схеме, согласно которой из двух пространственных ориентиров следует отдать предпочтение ‘правому’, имеющему в качестве дифференциального признака соотнесение с наиболее активной рукой, как кажется, позволит выстроить более логичную структуру полисемии прилагательных и обеспечить непротиворечивую корреляцию лингвистической и внелингвистической информации.

4. Заключение

Не вызывает споров тот факт, что толковые словари отражают не только так называемую языковую картину мира в собственном смысле этого термина, но и те представления об объекте, которые закреплены не в самом языке, а в знаниях и концепциях образованной части общества. Поэтому изучение лексикографических описаний объектов имеет особую ценность, позволяя восстановить эволюцию культурных представлений о нем.

В предлагаемой работе решались две задачи. Во-первых, на материале толковых словарей европейских языков (начиная с XVII в.) была продемонстрирована эволюция культурных представлений о 'правом' и 'левом'. При этом сравнение разных лексикографических подходов к толкованию базовых пространственных значений соответствующих прилагательных позволило последовательно описать эволюцию лексикографической интерпретации 'левого' и 'правого', а также уточнить некоторые современные лексикографические решения и отдельные положения теоретической семантики. Во-вторых, к рассмотрению были привлечены оценочные значения, что позволило поставить проблему экспликации семантических мостов (переходов) между прямым и переносными значениями прилагательных. Оказалось, что эти две задачи тесно связаны.

Пространственные понятия 'правый' и 'левый' осмысляются через анатомию человека — ориентиром для 'правого' или 'левого' выбирается какой-либо орган человека. В качестве основного органа, служащего ориентиром для 'левого', выбирается селезенка [DAF 1694], печень [DAF 1798] либо сердце [Féraud 1787–1788, II]. Данные лексикографические сведения имеют значительный интерес для реконструкции «модели человека» на разных стадиях европейской культуры: представление о важной роли селезенки, восходящее к древности, хотя и сохраняется еще в XVII в., но уже вряд ли является живым и вытесняется признанием центральной роли сердца как средоточия жизни. «Анатомическое» осмысление пространственных понятий 'правый' и 'левый' не ограничивается привязкой к тому или иному внутреннему органу: 'правая' сторона может также соотноситься с правой рукой (и в этом случае 'левый' определяется как противоположный 'правому'). Это лексикографическое решение впервые предложено в словаре [Furetière 1690, I]. Строго говоря, данное решение не является чисто «анатомическим», т. к. апеллирует к функциям правой руки как более активной и сильной и поэтому противопоставленной более слабой и менее активной левой руке.

Прилагательные со значениями 'левый' и 'правый', как и большинство других лингвистических объектов, допускают «неединственность» описания. Но, однако, выбор интерпретации, как кажется, должен определяться анализом переносных значений данных слов. Прилагательное со значением 'правый' во многих языках имеет переносные значения с общим смыслом 'хороший', и наоборот — прилагательное со значением 'левый' имеет пере-

носные оценочные значения с общим смыслом 'плохой'. Это можно объяснить тем, что более активная, «функциональная» правая рука осмысливается и оценивается как «хорошая», в противоположность «плохой» левой руке.

В статье на обширном материале продемонстрировано, что представление о правой руке как активной закреплено в самых разных языках; аналогично в разных языках закреплено и представление о правом (о правой стороне) как хорошем. Тем самым выявлен семантический переход между пространственными значениями 'правый' и 'левый' и оценочными значениями 'хороший' и 'плохой', обеспечивающий цельное описание многозначности прилагательных как единого лексикографического типа.

Источники и словари

Аникин 13 — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 13. Два — Диглб. М., 2019.

Вейсман 1991 — А. А. Вейсман. Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899 г. М., 1991.

Даль I–IV — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955–1956.

МАС I–IV — Словарь русского языка. Т. I–IV. 2-е изд. М., 1981–1984.

САР 1789–1994 — Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. СПб., 1789–1994.

САР 1806–1822 — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. I–VI. СПб., 1806–1822.

САР 1891 — Словарь русского языка. Составлен Вторым отделением Императорской Академии Наук. Т. I. Вып. 1. СПб., 1891.

СДРЯ XI–XIV II — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. II. М., 1989.

СРЯ XVIII 12 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 12 (Лысцев — Молотовство). СПб., 2001.

Стоян 1913 — П. Е. Стоян. Краткий толковый словарь русского языка. СПб., 1913.

СУш I–IV — Д. Н. Ушаков (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1934–1940.

ЭССЯ 4 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 4 / О. Н. Трубачев (ред.). М., 1977.

Adelung 1811 — J. C. Adelung. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart. Band 1–4. Wien, 1811.

Collins 2004 — Collins English Dictionary Complete and Unabridged. Glasgow, 2004. URL: www.collinslanguage.com.

DAF 1694 — Le Dictionnaire de l'Académie française. I–II. Paris, 1694.

DAF 1718 — Le Dictionnaire de l'Académie française. I–II. Paris, 1718.

DAF 1740 — Le Dictionnaire de l'Académie française. I–II. Paris, 1740.

DAF 1762 — Le Dictionnaire de l'Académie française. I–II. Paris, 1762.

DAF 1798 — Le Dictionnaire de l'Académie française. I–II. Paris, 1798.

DAF 1835 — Le Dictionnaire de l'Académie française. I–II. Paris, 1835.

DAF 1879 — Le Dictionnaire de l'Académie française. I–II. Paris, 1879.

- DAF 1932–1935 — Le Dictionnaire de l'Académie française. I–II. Paris, 1932–1935.
- DHLF I–III — Dictionnaire historique de la langue française / Sous la direction de Alain Rey. I–III. Paris, 2000.
- Johnson 1768 — S. Johnson. A Dictionary of the English Language. The third Edition. Dublin, 1768.
- DWB — J. Grimm, W. Grimm. Deutsches Wörterbuch. 16 Bde. in 32 Teilbänden. Leipzig, 1854–1961. Quellenverzeichnis Leipzig, 1971. URL: woerterbuchnetz.de/DWB.
- Féraud 1787–1788 — J.-F. Féraud. Le Dictionnaire critique de la langue Française. T. I–III. Paris, 1787–1788.
- Fraenkel II — E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. I–II. Heidelberg, 1962–1965.
- Furetière 1690 — A. Furetière. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts. T. I–II. La Haye, 1690.
- Kluge 1999 — F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Bearb. von Elmar Seebold. Berlin; New York, 1999.
- Larousse 1872 — P. Larousse. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle. T. VIII. Paris, 1872.
- Littré II — É. Littré. Dictionnaire de la langue française. T. II. Paris, 1874.
- MacMillan — Электронное издание: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british>.
- New English Dictionary — A New English Dictionary on Historical Principles. By the Philological Society. Oxford: at the Clarendon Press. Vol. I. 1888; Vol. VI, Part I: L. 1908. Vol. VIII, Part I: O–R. 1914. URL: <https://archive.org/details/ANewEnglishDictionaryOnHistoricalPrinciples.10VolumesWithSupplement>.
- Nodier 1829 — Ch. Nodier. Examen critique des dictionnaires de la langue françoise ou Recherches grammaticales et littéraire sur l'orthographe, l'acception et l'étymologie des mots. Paris: Delangle, 1829. 2e éd. 422 p.
- Pokorny I–II — J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern: Francke, 1959–1969. Электронное издание: <https://indo-european.info/pokorny-etymological-dictionary>.
- PR — P. Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris: Le Robert, 2019.
- TLFi — Trésor de la langue française informatisé. URL: <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm>.
- Webster 1828 — Webster Online Dictionary. Электронное издание: <http://www.merriam-webster.com>.

Л и т е р а т у р а

- Апресян 2009 — Ю. Д. А пр е с я н. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Арутюнова 1980 — Н. Д. А р у т ю н о в а. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 159–249.
- Бабаева 2018 — Е. Э. Б а б а е в а. Антонимия: к проблеме определения границ // Риторика — Лингвистика 13. Сборник статей. Смоленск: Изд-во Смоленского гос. ун-та, 2018. С.153–164.

Бабаева 2018a — Е. Э. Бабаева. Антонимия: проблемы лексикографического описания (на примере оппозиции правый VS левый) // *Studia Russica* XXVI. Budapest, 2018. С. 73–81.

Гамкрелидзе, Иванов 1984 — Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I–II. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.

Дыбо 1996 — А. В. Дыбо. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Иванов 1988 — Вяч. Вс. Иванов. К проблеме тохарско-алтайских лексических связей // *Вопросы языкознания*. 1988. № 4. С. 99–102.

Журавлев 2005 — А. Ф. Журавлев. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М.: Индрик, 2005.

Коран 1716 — Алкоран о Магомете или закон турецкий. Переведенный с французского языка на русский. Напечатан повелением Царского Величества в Санктпетербургской Типографии, 1716.

Лурья 2018 — А. Р. Лурья. Потерянный и возвращенный мир // А. Р. Лурья. Потерянный и возвращенный мир: короткий путь в чертоги разума. М.: Алгоритм, 2018. С. 9–160.

Михайлова 1993 — Т. А. Михайлова. О понятии «правый» и лингвоментальной эволюции // *Вопросы языкознания*. 1993. № 1. С. 52–63.

Подосинов 1999 — А. В. Подосинов. EX ORIENTE LUX! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999.

Проскурин 1990 — С. Г. Проскурин. О значениях «правый — левый» в свете древнегерманской лингвокультурной традиции // *Вопросы языкознания*. 1990. № 5. С. 37–49.

Толстой 1997 — Н. И. Толстой. Из географии славянских слов. 3. правый — левый // Н. И. Толстой. Избранные труды. Т. I. Славянская лексикология и семаиология. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 144–152.

Шайкевич 1959 — А. Я. Шайкевич. Слова со значением «правый» и «левый» (опыт сопоставительного анализа) // *Ученые записки 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков*. Т. XXIII. М., 1959. С. 55–74.

Fraye et al. 2016 — D. W. Frayer, R. J. Clarke, I. Fiore, R. J. Blumenschine, A. Pérez-Pérez, L. M. Martinez, F. Estebananz, R. Holloway, L. Bondioli. OH-65: The earliest evidence for right-handedness in the fossil record // *Journal of Human Evolution*. November 2016. Vol. 100. P. 765–771.

Grimm 1848 — J. Grimm. *Geschichte der deutschen Sprache*. Bd. 1–2. Leipzig, 1848.

Ryer 1685 — L'Alcoran de Mahomet. Traduit d'Arabe en françois par le sieur Du Ryer. A la Haye, 1685.

Werner 1904 — A. Werner. Note on the terms used for «right hand» and «left hand» in the Bantu languages // *Journal of the African Society*. 13. 1904. P. 112–116.

Wierzbicka 1985 — A. Wierzbicka. *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor: Karoma, 1985.

Zimmermann 1974 — F. Zimmermann. Géométrie sociale traditionnelle. Castes de main droite et castes de main gauche en Inde du Sud // Annales. Année 1974. 29 année, № 6. P. 1381–1401.

Статья получена 06.09.2020

Elizaveta E. Babaieva

Lomonosov Moscow State University
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
llevidova@gmail.com

THE SEMANTICS OF OPPOSITES: THE RIGHT VS. LEFT OPPOSITION IN LEXICOGRAPHY

This article is the first to examine in detail the lexicographic problems posed by adjectives denoting ‘right’ and ‘left’. In European and Russian lexicography, it has been customary from the very beginning to treat adjectives denoting ‘right’ and ‘left’ as a closed microsystem, resulting in the practice of interpreting the basic spatial meaning of one word through the other with the help of the meta-notion ‘opposite’. The article traces the formation of approaches to the interpretation of spatial meanings of these adjectives and reveals the models of “naïve” spatial orientation, i.e. the choice of the coordinate system (human body parts or cardinal directions) with which these meanings correspond. In addition, the article brings up the necessity to correlate adjective polysemy, in particular their so-called evaluative uses, with their primary spatial meaning. A return to the model where the spatial meanings ‘right’ and ‘left’ correlate with the right hand, proposed back in the 18th century, would allow to create a consistent and symmetrical description of this lexicographic type.

Keywords: semantics, polysemy, lexicography, lexicographic type, linguistics history

References

- Apresyan, Yu. D. (2009). *Issledovaniia po semantike i leksikografii. T. 1. Paradigmatika*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur, 2009.
- Arutyunova, N. D. (1980). K rudy m funktsional'nykh tipov leksicheskogo znachenii. In N. D. Arutyunova, & A. A. Ufimtseva (Eds.), *Aspekty semanticheskikh issledovaniï* (pp. 159–249). Moscow: Nauka, 1980.
- Babaeva, E. E. (2018). Antonimii: k rudy m opredelenii granits. *Ritorika — Lingvistika*, 13, 153–164.
- Babaeva, E. E. (2018a). Antonimii: rudy m leksikograficheskogo opisaniia (na primere oppozitsii pravyy vs levyy). *Studia Russica*, 26, 73–81.
- Dybo, A. V. (1996). *Semanticheskaiia rekonstruktsiia v altaiskoi etimologii. Somaticheskie terminy (plechevoi poias)*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1996.
- Frayser, D. W., Clarke, R. J., Fiore, I., Blumenschine, R. J., Pérez-Pérez, A., Martínez, L. M., Estebananz, F., Holloway, R., & Bondioli, L. (2016). OH-65: The earliest evidence for right-handedness in the fossil record. *Journal of Human Evolution*, 100, 765–771.

- Gamkrelidze, T. V., & Ivanov, V. V. (1984). *Indoevropskii yazyk i indoevropetsy. Rekonstruktsiia i istoriko-tipologicheskii analiz praiazyka i protokul'tury* (Vols. 1–2). Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo un-ta.
- Ivanov, V. V. (1988). K rudy m tokharsko-altaiskikh leksicheskikh sviazei. *Voprosy yazykoznaniia*, 4, 99–102.
- Luria, A. R. (2018). *Poteriannyi i vozvrashchennyi mir: korotkii put' v chertogi razuma*. Moscow: Algoritm.
- Mikhailova, T. A. (1993). O poniatii «pravyi» i lingvomental'noi evoliutsii. *Voprosy yazykoznaniia*, 1, 52–63.
- Podosinov, A. V. (1999). *EX ORIENTE LUX! Orientatsiia po stranam sveta v arkhaicheskikh kul'turakh Evrazii*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Proskurin, S. G. (1990). O znacheniiakh «pravyi — levyi» v svete drevnegermanskoi lingvokul'turnoi traditsii. *Voprosy yazykoznaniia*, 5, 37–49.
- Shaikovich, A. Ya. (1959). Slova so znacheniem «pravyi» i «levyi» (opyt sopostavitel'nogo analiza). *Uchenye zapiski 1-go Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov*, 23, 55–74.
- Tolstoy, N. I. (1997). *Izbrannye rudy. T. 1. Slavianskaia leksikologiya i semasiologiya*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Wierzbicka, A. (1985). *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor: Karoma.
- Zhuravlev, A. F. (2005). *Yazyk i mif. Lingvisticheskii kommentarii k trudu A. N. Afanas'eva «Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu»*. Moscow: Indrik.
- Zimmermann, F. (1974). Géométrie sociale traditionnelle. Castes de main droite et castes de main gauche en Inde du Sud. *Annales*, 29(6), 1381–1401.

Received on September 6, 2020